

Алексей Львович, сейчас наблюдается повышенный интерес к мюзиклам. Однако на театральных подмостках мы видим старые западные спектакли («Ромео и Джульетта» Жерара Пресгурвика, «Нотр Дам» Ричарда Кочианте, «Кошки» Ллойда Веббера) или работы малоизвестных авторов - «Норд Ост» написали два барда, «12 стульев» - молодой эстрадник Игорь Зубков. Почему молчат признанные мастера жанра?

- Я сам сначала удивлялся. Ведь простейшая логика подсказывает: приглашайте людей, которые успешно работали и творчески, и коммерчески. Но потом все стало понятно. Теперь искусство - всецело продюсерское, а не режиссерское или композиторское, как было раньше. А для продюсеров как предпринимателей очень важно быть единственными владельцами продукта, ни с кем не делиться прибылью. Если в проекте примут участие художники с именами, они захотят быть как минимум совладельцами.

Продюсер рассуждает так: пусть лучше дешевая песня проживет неделю и принесет какие-то деньги (а на следующей неделе заменю ее другой), чем вкладывать серьезные средства в песню, которую будут петь десятилетиями. Вот почему в шоу-бизнесе звезды появляются как грибы после дождя и так же стремительно исчезают. В этой ситуации наши продюсеры напоминают Шуру Балаганова - хотят схватить трешку и сбежать. Даже Остапов Бендеров там нет, то есть людей, которые пытаются сначала накопить папку с документами, а только потом получить миллион. Создать большое, значительное произведение - это значит обезопасить себя с коммерческой точки зрения на долгие-долгие годы. Но продюсеров страшит неудача. Они рассуждают так: пригласишь маститых, много денег потратишь, а чуда не произойдет.

- Хотя, к примеру, ваша «Юнона» и «Авось» вот уже 25 лет не сходит с афиши Ленкома...

- «Юнону» и «Авось» нельзя считать чистой водой мюзиклом. Я бы сказал, что это российский вид музыкального спектакля для поющих драматических актеров. Не могу себе представить, чтобы с этой задачей справились, скажем, эстрадные певцы и танцовщицы, какие играют в западных мюзиклах, или оперные певцы академической школы. И где бы ни гастролировал Ленком, всюду критики отмечают эту особенность «Юноны» и «Авось», называя ее русским изобретением. Кстати, недавно ко мне обратились продюсеры с предложением сделать новый мюзикл. Идея интересная, но подробнее рассказывать пока рано. Скажу только, что мне очень хочется вернуться к музыкальному театру.

- Недавно написали музыку к мюзиклу «Приключения Буратино». Надо сказать, в вашем творчестве вообще много места занимает детская тематика. С чем это связано? Может, вы таким образом добивались ребячьей радости, которую недополучили в своем послевоенном детстве?

- Тогда все мои сверстники недополучили настоящего детства. Послевоенная разруха, голод, хлебные карточки... Но мы, дети тех лет, считали такое положение нормальным. Сейчас иногда задумываешься: боже мой, какие трудности пришлось пережить! Одно время наша семья испытывала крайнюю нужду. Я привык, что у нас считали каждую копейку. У моих детей и моего внука, конечно, все по-другому. Но когда ребенка окружает любовь, забота родителей и близких, то детство всегда прекрасно, когда бы оно ни происходило.

В отличие от современных детей, которые играют в одиночку, уткнувшись в компьютер, мы, мальчишки 50-х, много времени проводили во дворах. Я любил играть на свежем воздухе и часто был главным сорвиголовкой. В то же время приходилось усиленно заниматься в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории на фортепиано. Как-то все успевал.

В ЦМШ воспитывали профессиональное отношение к музыке. В ходу была психология победителей. И как результат - многие мои одноклассники становились лауреатами серьезных конкурсов. Дети-звезды мировой величины учились с тобой в одном классе. Это подзадоривало. Однако к 15 годам выяснилось, что великим пианистом мне не быть. Я особо не горевал, ведь с 10 лет параллельно занимался композицией у Арама Ильича Хачатуряна.

- Спортивный характер воспитания не вредит в искусстве?

- Многие считают соревновательную систему губительной для музыкантов. И мне кажется, в наши дни она серьезно зашла в тупик. Два года назад я входил в жюри конкурса пианистов имени Эдварда Грига в Осло. Невероятно выросла техника! Те-

Наш собеседник - автор всемирно известных произведений «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Юнона» и «Авось» и «Мистерия оглашенных». В 1989 году звукозаписывающая фирма «Мелодия» наградила композитора «Золотым диском», поскольку общий тираж пластинок с его музыкой превысил 10 миллионов. По большей части это мелодии и песни к фильмам - «Остров сокровищ», «Большое космическое путешествие», «Приключения Буратино», «Про Красную Шапочку», «Тот самый Мюнхгаузен», «Вам и не снилось», «Русь изначальная»... Указом патриарха Алексия II композитор был удостоен ордена Святого благоверного князя Даниила Московского (третьей степени) за «труды по утверждению среди молодежи идеалов духовности посредством музыки».

ФОТО ИТАР-ТАСС

Алексей РЫБНИКОВ: ПОРА УСТАНОВИТЬ ДЕМОКРАТИЮ В ЭФИРЕ!

перь юные музыканты делают то, что раньше было по силам лишь именитым артистам. Однако философия произведений, раскрытие музыкальных образов, грамотная нюансировка - все это, к сожалению, часто приносит в жертву погоне за внешним блеском.

Композиторам соревноваться не приходится. Слава богу, среди нас нет ни чемпионов мира по композиции, ни сочинителей «номер один» или «номер два». Каждый идет своим путем. Как тут сравнишь: лучше ты или хуже?

- Говорят, у вашего консерваторского учителя Арама Хачатуряна был тяжелый характер. Как удавалось с ним ладить?

- У Арама Ильича характер был тяжелым только по отношению к тем коллегам, которые пытались обидеть его учеников. К нему приходили учиться ребята из других классов и даже не консерваторские. Он охотно поощрял и поддерживал таланты. Помню, один наш студент написал вокально-симфоническое произведение по «Реквиему» Анны Ахматовой. Гдно говорится о сталинских репрессиях. Падно тут же вцепили двойку и подали документы на отчисление. Хачатурян этот скандал замял, и студента оставили в покое. Арам Ильич ему сказал: «Смелые вещи сочиняй и дальше, только не показывай их на кафедре композиции». Я недавно смотрел по видео, как Хачатурян дирижировал в Вене. Зрелище потрясающее. Он излучал колоссальное вдохновение. Жаль, что сейчас музыкантов и личностей такого масштаба у нас практически нет.

- Вы преподавали в Московской консерватории в течение пяти лет. Почему бросили? Вам скучно учить других?

- Это были первые годы самостоятельной жизни. Известность только приходила. И когда Ленком поставил «Звезду и смерть Хоакина Мурьеты», я сразу же ушел из консерватории. Кстати, по совету своего учителя Хачатуряна, в классе композиции которого и преподавал. Арам Ильич тогда сказал мне, что преподавание сушит творческую фантазию и сглаживает дерзость в замыслах. А молодой художник обязательно должен быть неиспорченным устоев. Стать автором рок-оперы, опального по

тем временам жанра, означало противопоставить себя официальной музыкальной культуре. И это было несовместимо со статусом преподавателя консерватории. Я тогда резко ушел от академизма. А сейчас к нему же возвращаюсь.

- Во многих ваших фильмах актеры поют сами за себя, что в кино большая редкость. Вам это стоило много крови?

- Я всегда заранее знал, кто из актеров будет играть, поэтому писал в расчете на их силы. Этот же метод применял к спектаклям Ленкома. Важно понять, что человек умеет, какие ноты у него особенно хорошо звучат. На это и делаешь основную ставку, а недостатки микшируешь.

Кроме того, Владимир Этуш, Николай Гринько, Елена Санаева, Владимир Басов и другие актеры, с которыми я работал, музыкально одарены от природы. Правда, многие из них не знали нот, что сильно усложняло процесс выучивания, однако «слышали» и ритм чувствовали замечательно. Например, Рина Зеленая все песни Черепашки Тортилы для «Приключений Буратино» подготовила практически за одну репетицию. Не говорю уже о Ролане Быкове, который мог виртуозно спеть все что угодно. Евгений Евстигнеев запел в роли Звездочета в фильме «Про Красную Шапочку». Потом, правда, выяснилось, что почти у всех у них было бурное музыкальное прошлое - пели куплеты в мюзик-холлах и ансамблях.

- Вы сочинили музыку к фильмам «Большое космическое путешествие», «Полет с космонавтом», «Через тернии к звездам», «Сказка о звездном мальчике»... У вас не было желания поработать с космической тематикой более основательно? Француз Жан-Мишель Жар, например, работал на этом целое состояние.

- Действительно, когда задумывались съемки фантастики или чего-то не от мира сего, то часто обращались ко мне. В музыке я любил экспериментировать с электронной, искал новые звучания... Работал я всегда много, но в советские времена композитору сколотить состояние было практически невозможно. Никому и в голову не приходило платить мне за количество проданных пластинок. А они выходили милли-

онными тиражами. Генеральным продюсером всего искусства являлось советское государство, которое и присваивало себе все доходы. Мы были людьми подневольными. Но обидно другое. Советская власть закончилась 15 лет назад. За это время проданы миллионы видеокассет с фильмами, для которых я написал музыку. Но ни копейки авторских отчислений я не получил. Оказывается, советская власть передала все авторские права новому российскому государству, которое в свою очередь отдало их коммерческим структурам, а не вернуло авторам. Так причитающиеся нам по праву деньги ушли в карманы частных предпринимателей. Остаются порадоваться за Жан-Мишеля Жара, потому что во Франции авторские права защищены.

- Фильм Николая Лебедева «Звезда», кажется, ваша первая работа в кино после длительного перерыва и первое обращение к теме Великой Отечественной...

- В 90-е выходили какие-то фильмы с моей музыкой. Но немного. Для нашего кино это было смутное время. Я занимался театром, гастролировал по миру.

Проект «Звезда» меня привлек необычным подходом к военной теме: снять не героическое кино, а триллер. И от меня требовалось написать такую музыку, которая бы все время держала в напряжении. Я получил на руки уже отснятый материал. К нему требовалось добавить музыкальный ряд. Увиденное меня потрясло. А когда есть сильные впечатления, то работать легко.

Теперь кинопроизводство в стране на подъеме. И я работаю интенсивней, чем в 70-е. Сейчас пишу музыку к фильму-фэнтези Николая Лебедева «Волкодав» и для картины Эльдара Рязанова «Андерсен». В прокат вышла лирическая фантазия Тиграна Кеосаяна «Заяц над бездной» - масштабная постановка о нескольких веселых днях из жизни Брежнева, которые якобы случились в 1971 году во время визита тогда еще жизнерадостного генсека в Молдавию. На вторую половину года запланировано несколько фильмов и сериалов, музыке к которым еще предстоит сочинить. Все они очень разные по художественным задачам.

А вот для детей если что и снимается, то очень мало, и продюсерам не до музыкальных фильмов. Совершенно очевидно, что нужна специальная программа господдержки детского кинематографа.

- Неплохая тема для заседания Совета при Президенте России по культуре и искусству, в состав которого вы входите. У заседающих в совете есть реальные рычаги влияния на культурные процессы в стране? Или ваши функции сводятся к раздаче наград и званий?

- Признаться, я сначала тоже скептически относился к этой идее. У совета нет никаких полномочий, никаких документов мы не разрабатываем и не принимаем, а просто говорим с президентом о проблемах культуры. Но этого оказалось достаточно, чтобы заработали государственные механизмы и произошли позитивные изменения. Так, например, после наших заседаний повышены ставки артистам Большого театра и музыкантам ведущих симфонических оркестров России, что, безусловно, пошло на пользу нашей академической музыке. Потом появился новый закон о расширении вещания для детей на ТВ...

- Сейчас в сфере академической музыки крутятся не очень большие деньги, и композиторы стараются обходиться минимальным средством. А вы напротив - в прошлом году презентовали в Москве свою пятую симфонию «Воскрешение мертвых», которую исполнили большой симфонический оркестр, два хора и множество солистов-вокалистов. Вы считаете, такие грандиозные академические проекты могут выживать в наши времена, насквозь пронизанные незамысловатой попсой?

- А чего бояться? Такие большие вещи - я их называю симфоническими действиями - могут привлечь публику размахом и смелостью замысла. Это интересное направление. И я бесконечно благодарен Михаилу Куснировичу, который поддержал проект в рамках своего знаменитого фестиваля искусств «Черешневый лес».

- В последние годы в большой моде «старые песни о главном». Ваш хит «Я тебя никогда не забуду» спел Александр Маршал и певица Ариана. Как вы относитесь к такой «второй жизни» своих вещей?

- Мои песни поют от души и пьяные в подворотнях, и туристы, катающиеся на речных трамвайчиках, и в ресторанах, и за праздничным столом. Это нормально. Кто может запретить народу переинципировать музыку на свой лад? Недавно даже вышел альбом, где мои песни поют известные рок-музыканты. Константин Кинчев написал стихи к одной из мелодий фильма «Остров сокровищ», Борис Гребенщиков спел песню из «Красной Шапочки», группа «Тайм аут» Зораво сделала песенку Лисы Алисы и Кота Базилио «Поле чудес» из «Приключений Буратино»... Материала набралось на два диска. Не все трактовки мне нравятся, но каждый исполнитель имеет право на голос. Важно, чтобы это было сделано с любовью, талантом и без желания надругаться над оригиналом.

- Почему вы больше не пишете песен?

- Все мои песни написаны к кинофильмам и спектаклям. А сейчас фильмов с песнями почти не снимают. В основном нужна инструментальная музыка. Спектаклей музыкальных сейчас тоже раз-два и обчелся. И со стихами для песен большие проблемы. Маститые авторы перестали работать с композиторами. Мир стал другим, и песни поют другие. На эстраде теперь днем с огнем не встретишь ярких, образных, запоминающихся текстов. А то новое, что сейчас звучит, в большинстве своем настолько слабо, что профессионалу даже слушать как-то неловко.

Думаю, в этом во многом виновата музыкальная политика наших радиостанций и телеканалов. Если раньше в эстрадной музыке был диктат советского официоза, то теперь засилье так называемого формата, за рамками которого оказывается столько интересной музыки, что вপুরе открывать «неформатные» каналы музыкального вещания. Помню, в Америке, где мы в 90-е долго гастролировали, меня поразило разнообразие музыкальных направлений в эфире. В круглосуточном режиме там работают более 100 радиостанций, и у каждой своя специализация: классика, музыка католическая, буддистская, китайская, арабская, русский фольклор, джаз классический, модерн... А когда едешь на машине по Москве, так и приемник включать не хочется: на всех каналах одни и те же попсовые песни. Выбор почти никакого. Не могу понять, почему нас так загоняют в жесткие рамки попсы. Уже давно назрела необходимость вырваться из этого музыкального тоталитаризма и установить наконец демократию в эфире.

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ